

ДОКУМЕНТЫ И ПУБЛИКАЦИИ

МНЕ ПОСЧАСТЛИВИЛОСЬ ИХ ЗНАТЬ (ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ВОСТОКОВЕДА)

А.М. Хазанов

Институт Востоковедения РАН
Центр исследования общих проблем современного Востока
ул. Рождественка, 12, Москва, Россия, 107031

Автор публикации, известный востоковед А.М. Хазанов, делится своими воспоминаниями об известных ученым, у которых он учился и с которыми вместе работал на протяжении многих лет.

Ключевые слова: И.М. Рейснер, Б.Г. Гафуров, Ю. В. Ганковский, Г.Л. Бондаревский, востоковедение.

Игорь Михайлович Рейснер. В бытность мою студентом истфака МГУ в 1950-е гг. мне выпало счастье слушать лекции знаменитого востоковеда Игоря Михайловича Рейснера. Игорь Михайлович происходил из семьи остзейских обрусевших немцев дворянского сословия. Его отец Михаил Андреевич Рейснер был профессором Томского университета. Придерживался весьма радикальных взглядов и гордился тем, что один из его предков Николаас Рейснер был другом Эразма Роттердамского (1).

Игорь Михайлович Рейснер получил хорошее образование, знал несколько иностранных языков. Это был человек благородный, воспитанный, интеллигентный в самом высоком смысле этого слова. Он сохранял в душе романтическую жилку. С детства мечтал стать крупным политиком и ученым.

Его ученица К.А. Антонова так описывала внешность И.М. Рейснера: «Игорь был некрасив: он был высок, но у него были маленькие голубые глазки, редкие волосы, узкий нос с горбинкой. Выдающийся вперед острый кадык. Из-за худощавости кости его лица угловато выпирали, и вообще казалось, что его изваял какой-то скульптор-кубист» (2).

В 1919–1921 гг. И.М. Рейснер был первым секретарем знаменитой российской миссии Я.З. Сурица в Афганистане. Он вернулся в Москву в конце 1921 г. и, оставаясь сотрудником Наркоминдела, с сентября 1922 г. по июнь 1924 г. учился на разведчика на восточном факультете Военной академии РККА. Затем работал в московском Институте Востоковедения. В 1928 г. вышла книга И.М. Рейснера «Независимый Афганистан». В конце 1930-х гг. он встретился с женой историка А.Г. Пригожина англичанкой Вайолет Лэнсбери. Позже он стал с ней жить. У них родились два сына. Одним из них был будущий востоковед индолог Лев Игоревич Рейснер (которого я хорошо знал по совместной работе в Институте Востоковедения РАН).

В 1940 г. Вайолет уехала в командировку в Париж и вышла там замуж за брата известного индийского историка-марксиста Палм Датта, бросив И.М. Рейснера с двумя сыновьями.

В 1940 г. Игорь Михайлович женился на враче-педиатре Марии Семеновне Певзнер. В это время он стал преподавать в МГУ и готовить вместе с С.Н. Ростовским в институте истории учебник по новой истории колониальных и зависимых стран, который вышел в 1940 г.

Игоря Михайловича Рейснера всю жизнь подвергали травле. Когда его ученик Г.Г. Котовский спросил его о причине, он получил такой ответ: «Трое из рекомендовавших меня в партию были потом арестованы, моя покойная сестра (Лариса Рейснер – прототип комиссарши в «Оптимистической трагедии» Всеволода Вишневского. – *А.Х.*) была близка с Карлом Радеком, моя жена Мария Семеновна была когда-то близка с известным троцкистом Серебряковым, а моя первая жена-англичанка уехала в Англию» (3).

В начале 1953 г., когда Игорь Михайлович завершил свою докторскую диссертацию на тему: «Народные движения в Индии в XVII–XVIII вв. и распад державы Великого Могола», с ним встретился знаменитый иранист и археолог М.М. Дьяконов и сообщил ему, что был приглашен в ректорат МГУ к одному из проректоров, который сделал такое предложение: «заваливаете Рейснера – получаете заведывание Отделением Востока Истфака». Тот, конечно, отказался.

Тогда Г.Г. Котовский продиктовал Рейснеру письмо М.А. Суслову и список его научных работ, которые сам Рейснер не помнил. Заместитель заведующего Отделом науки ЦК КПСС К. Кузнецова вызвала Рейснера и сказала: «Мы считаем, что вы имели все основания написать нам жалобу. По нашему мнению, Вы можете защитить диссертацию. До свидания» (4).

30 ноября 1953 г. он защитил докторскую диссертацию, а 1 февраля 1958 г., не дожив до 60 лет, скончался.

Г.Г. Котовский так охарактеризовал И.М. Рейснера как ученого: «Он был самым выдающимся историком-востоковедом, основателем отечественной индологии и афганистики. Для меня И.М. Рейснер – это глыба, ученый-колосс. Его фундаментальные работы по Индии и Афганистану охватывают огромный временной диапазон – с XVIII в. по 30-е гг. XX в. и огромный те-

матический диапазон – историю, экономику, политическое развитие этих стран. Поразительно, что все это сделал один человек! У него была любимая тема – аграрный вопрос в этих странах, крестьянство и крестьянская община. Это была центральная тема, которая пронизывает все его работы, ведь это аграрные страны и он считал своей главной задачей выявление экономических и социальных факторов, определяющих политические движения... Благодаря своему гигантскому интеллекту Игорь Михайлович вошел в науку не потому, что сидел на архивах и других источниках. Он вошел в науку как гигантский ум. Он обладал феноменальным аналитическим умом и мог увидеть в фактах то, что никто другой увидеть не мог. За что бы он ни брался, он был пионером исследований» (5).

Игорь Михайлович был не только ученым, он был потрясающим педагогом. Он никогда не навязывал ученику свою точку зрения. Но, беседуя с ним, он умело направлял мысли своего собеседника. Он учил учеников бережному отношению к источнику. Он говорил: «Избегайте любования восточным источником. Источник – это материал для научных конструкций» (6).

Неизгладимое впечатление в моей памяти оставили блестящие и по форме и по содержанию лекции Игоря Михайловича. Как сейчас слышу его неторопливую, четкую, сильно грассирующую речь, его увлекательнейшие рассказы об Индии и Афганистане, изобилующие интереснейшими фактами, оригинальными мыслями и тонким и едким юмором. Почему-то запомнилась его фраза: «Этот факт, несмотря на бешеное сопротивление редакторов, мне все же удалось протолкнуть в мою книгу», а также его афоризм: «Если Индия является замком к Азии, то Афганистан – ключ к этому замку» (7).

Когда в аудиторию входил Игорь Михайлович, мы знали: «Будет интересно!» И наши ожидания всегда оправдывались, потому что И.М. Рейснер был до краев наполнен эрудицией, великолепным знанием истории Востока, а также всякими любопытными историями, которые так любят студенты. Его лекции, полные интереснейших фактов и оригинальных мыслей, его харизма и исходящая от него энергетика завоевывали студенческие души и сердца. Поэтому Игорь Михайлович стал нашим любимым профессором. Его лекции буквально завораживали студенческую аудиторию, оказывали на нее гипнотическое действие. Игорь Михайлович словно забрасывал лассо и увлекал студентов за собой в бурный полет его мысли. Внутренний огонь, пылавший в этом человеке, захватывал, пленял, духовно обогащал.

Говоря о лекторском мастерстве И.М. Рейснера, Г.Г. Котовский заметил: «Я слушал феноменальных лекторов – Тарле, Сергеева. Во время их лекций посторонние люди стояли в коридорах. Но Борис Дмитриевич Греков и Игорь Михайлович Рейснер – это лекторы, которые не только заставляли слушателей восхищаться, но и вводили их в лабораторию научного исследования».

Дело И.М. Рейснера продолжил его талантливый сын востоковед Л.И. Рейснер. В Архиве ИВ РАН храниться любопытный документ: «Приказ

от 28.08.1989 №141-к Рейснера Льва Игоревича, доктора экономических наук утвердить в должности зав. Сектором теоретических проблем национально-освободительного движения Отдела общетеоретических проблем социально-политического развития стран Азии и Северной Африки с должностным окладом 450 руб. в месяц. Зам. Директора Института Востоковедения РАН Р.Б. Рыбаков».

Льва Рейснера у нас в институте называли «наш институтский Сахаров». Он активно выступал на собрании против всяких несправедливостей и пользовался огромной популярностью и авторитетом в коллективе сотрудников. Дочь Льва Игоревича Рейснера преподает в ИСАА, а внук Андрей Александрович Куделин – историк, работает в РУДН.

Бободжан Гафурович Гафуров. В конце 1958 г. после защиты кандидатской диссертации на Истфаке МГУ я пришел туда, где мне предстояло проработать более полувека – в Институт Востоковедения АН СССР (Армянский пер., 2). До этого, несмотря на мою ученую степень, я нигде не мог устроиться на работу. Обошел очень много мест, но куда бы я ни приходил, кадровики показывали мне постановление Моссовета о том, чтобы в Москве никого не брали на работу без московской прописки. Единственным работодателем, которого не смутило отсутствие у меня московской прописки, оказался директор Института Востоковедения АН СССР Б.Г. Гафуров.

Дело в том, что он был в то время весьма влиятельным и могущественным человеком, так как являлся членом ЦК КПСС со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Незадолго до этого, в 1956 г., состоялся исторический XX съезд КПСС, с трибуны которого А.И. Микоян произнес легендарную фразу: «Весь Восток проснулся, а Институт Востоковедения еще спит». Это был приговор для тогдашнего директора института, моего научного руководителя в аспирантуре академика А.А. Губера. Помню, как на обложке журнала «Крокодил» был изображен большой спящий Губер, вокруг которого бегали маленькие желтенькие и черненькие человечки, пытавшиеся его разбудить. Для укрепления работы Института новым директором был назначен бывший первый секретарь ЦК КП Таджикистана Б.Г. Гафуров. Бободжан Гафурович Гафуров родился в 1908 г. в кишлаке Исписар (ныне город Гафуров). Он происходил из рода великого персидского поэта XV в. Комола. Его отец был знаменитым ткачом, его ткани очень ценились в Ходженте. Мать работала учительницей в женской школе и была непревзойденной чтицей средневековых персидских стихов (8). В конце жизни благодаря протекции сына стала членом правления Союза писателей СССР.

Б.Г. Гафуров учился в пединституте. По ночам разгружал вагоны. Из-за этого у него развился костный туберкулез. После операции нога не сгибалась, он ее волочил. Потом окончил Коммунистический институт журналистики в Москве и в 1941 г. защитил кандидатскую диссертацию «История

секты исламистов». Его взяли на партработу. Несколько лет работал в аппарате ЦК КП Республики. В 1946 г. уже в качестве секретаря ЦК КП Таджикистана он представлял Сталину таджикских артистов. Сталину понравилось, и он сделал Б.Г. Гафурова первым секретарем ЦК КП Таджикистана (9).

Первым делом он прорыл Большой Гиссарский канал и каждый год получал за хлопок орден Ленина.

В 1947 г. в Душанбе вышла книга Б.Г. Гафурова «Краткая история таджиков» (на таджикском языке). В 1949 г. в Москве под редакцией И.С. Брагинского был издан русский перевод этой книги. В этой работе Б.Г. Гафуров убедительно опроверг ошибочную концепцию, выдвинутую еще в 1941 г. А.Ю. Якубовским в брошюре «История узбекского народа» о том, что все культурно-историческое наследие средней Азии принадлежит узбекам.

Огромной заслугой Б.Г. Гафурова было принятие по его инициативе 14 апреля 1951 г. ЦК КП Таджикистана постановления о создании Академии Наук Таджикистана. Первым ее президентом стал выдающийся писатель и ученый Садриддин Айни. Затем Б.Г. Гафуров открыл в Сталинабаде университет, в который набрал профессоров-изгоев из Москвы и Ленинграда, в основном евреев и диссидентов. В числе приглашенных были Б.А. Литвинский и Е.А. Давидович.

Будучи хозяином Таджикистана, Гафуров спас многих людей от ареста. Берия пожаловался Сталину, что тот не выполняет разнарядку, и он вызвал его к себе. Поскребышев не поздоровался, это был плохой знак. Гафуров вошел в кабинет. Сталин был в гневе и стал кричать: «Почему Вы не выполнили разнарядку?». Гафуров ответил: «Иосиф Виссарионович, Вы из Грузии и знаете, сколько там пещер. В Таджикистане их еще больше. Эти люди, которых мы хотим арестовать, прячутся в пещерах...». «Ну, ладно, поезжайте, занимайтесь хлопком, а на счет пещер я скажу Берии, чтобы он разобрался» (10).

Став директором ИВ РАН, он оказался в родной стихии, так как востоковедение было его любовью и призванием. Принцип подбора кадров у него был тот же, что и в Сталинабаде: собирал обиженных и оскорбленных. Профессора М.А. Коростовцева, который после работы в Египте отсидел и допрашивался лично Берией, он «протолкнул» в академики (минуя членкорреспондента). Французского эмигранта графа Ю.А. Завадовского после тюрьмы взял в институт и дал ему квартиру. Даже афганского принца после отсидки в ГУЛАГе не побоялся пригреть в ИВАНе. Будучи директором ИВАН, Гафуров спас многих диссидентов. По словам Г.Г. Котовского, «у Бабаждана Гафуровича было особое чутье – человека он рассматривал. Как человека и как ученого. И продвигал людей со всякими изъятиями в анкетах. К сожалению, большинство людей тогда были другими. Однажды он сказал академику Е.П. Чельшеву: “Евгений Петрович, в Вашем отделе работают диссиденты Александр Пятигорский, Михаил Занд, Юрий Глазов. Пусть они занимаются наукой, ведь они ученые. Будет жаль, если их выгонят. Я ничего не смогу сделать”» (11).

Хорошо помню, как в нашем институте выступал А.И. Солженицын. Начальник отдела кадров А.И. Кошкин буквально сбился с ног, переписывая тех, кто пришел его слушать. После этого выступления зам. директора В.М. Солнцева вызвали в райком партии и дали основательную «взбучку». Гафуров был очень гуманным человеком. Одна сотрудница – участница Великой Отечественной войны – пожаловалась ему, что ее мужа-инженера уволили с работы по «пятому пункту». Гафуров пообещал устроить его и действительно взял в ИВАН. Другая сотрудница однажды расплакалась у него в кабинете: «Если я не достану лекарство для дочки, она умрет». «Рецепт у Вас есть?», – спросил Гафуров. Он тотчас же поехал в аптеку ЦК КПСС и достал это лекарство.

Гафурову лично я многим обязан: он взял меня на работу, дал жилье и прописку, помог в защите докторской диссертации. В начале 1959 г. он написал письмо в Моссовет, и институту выдели четырехкомнатную квартиру в элитном доме на Фрунзенской набережной, в которой поселили нескольких холостых научных сотрудников.

Гафуров прожил всего 68 лет. Он умер в Душанбе 12 июля 1977 г. До этого 21 год он был директором Института Востоковедения. Главный его труд – «Таджики». Как сказал помогавший ему в этой работе профессор Б.А. Литвинский: «Гафуров сыграл роль Геродота своего народа – он дал ему историю». Библиография его трудов насчитывает несколько сот названий. Среди них есть труды, посвященные истории таджиков, культурно-цивилизационному развитию народов Центральной Азии, истории секты исмаилитов, походам Александра Македонского (в соавторстве с Цыбукидисом), проблемам национально-освободительного движения народов Востока и распада колониальных империй и другие. Многие его работы переведены на западные и восточные языки. 16 лет он был главным редактором журнала «Азия и Африка сегодня».

В 1968 г. За свои научные заслуги Б.Г. Гафуров был избран академиком АН СССР.

Б.Г. Гафуров – политический деятель и ученый – пользовался заслуженным авторитетом и уважением в научных кругах нашей страны и за рубежом. Он был одним из первых лауреатов премии Дж. Неру. В 1970 г. Академик Гафуров был избран почетным доктором наук Алигарского (Индия), а в 1973 г. – Тегеранского университета, иностранным членом академии наук Боснии и Герцеговины, Социалистической Федеративной республики Югославия (1973).

До конца своих дней Б.Г. Гафуров оставался в высшей степени порядочным, благородным и гуманным человеком, отзывчивым и внимательным к окружающим. Таким он запомнился мне и всем тем, кому посчастливилось его знать.

По словам Г.Г. Котовского, у Гафурова было генетическое ощущение принадлежности к своей цивилизации. Когда у него стало плохо с почками, и он лежал в Кремлевке на улице Грановского, он уже знал, что обречен.

И, конечно, он не зря перед этим совершил хадж в Мекку. Я с ним простился в больнице, обратившись к нему: «Хаджи Гафуров». Он уехал умирать в Душанбе (12).

В нашем Институте Востоковедения работает дочь Бободжана Гафуровича, Нинель Бободжановна Гафурова (родилась в 1939 г.). Она окончила восточный факультет Ташкентского университета в 1953 г., кандидат филологических наук, занимается литературой средневековой Индии, в частности творчеством Кабира Грандхакали. В 1999 г. она опубликовала большую статью об отце (13).

Юрий Владимирович Ганковский. Подарком судьбы я считаю свое знакомство с выдающимся востоковедом Ю.В. Ганковским. Ю.В. Ганковский родился в 1921 г. в Харькове. В 1942 г. окончил Исторический факультет МГУ. Участник Великой Отечественной войны. В 1947 г. его посадили в ГУЛАГ. Выпустили лишь в 1956 г. В лагере он, видимо, был строительным рабочим. Я помню, на одной из дирекций, где долго дискутировался вопрос о ремонте нашего здания, Юрий Владимирович неожиданно сказал: «Заплатите эти деньги мне, и я отремонтирую все это здание». Однажды он рассказал Р.Г. Ланде, как в лагере он вынужден был, опираясь на одних уголовников, противостоять другим. Изредка он рассказывал о том, как трудно интеллигенту выживать в уголовной среде (14). Он терпеть не мог стукачей и, обращаясь к ним, говорил: «Вы хотите, чтобы я опять оказался там же с номером на рукаве?»

Тяжелая судьба не сломала Юрия Владимировича и не наложила на него печать озлобленности и ненависти к людям. Став директором ИВ РАН в 1956 г., Б.Г. Гафуров, старавшийся помочь людям, пострадавшим от советской власти, взял на работу Ю.В. Ганковского, который вскоре стал ученым секретарем Института (1959–1964). Директор издательства Восточной литературы О.К. Дрейер однажды сказал Р.Г. Ланде: «Лучше, чем Ганковский, ученого секретаря ИВ РАН никогда не было». Будучи человеком ответственным, организованным энергичным, умеющим четко формулировать свои мысли, он был «нужным человеком в нужном месте».

Ганковский защитил кандидатскую диссертацию в 1958 г. докторскую – в 1966 г. В 1964 г. он возглавил сектор Пакистана (который до этого возглавлял А.М. Дьяков), а в 1987 г. – основанный им единый Отдел Ближнего и Среднего Востока. В это время директором Института стал Е.М. Примаков, который высоко ценил Ю.В. Ганковского и во всем ему помогал. В 1961 г. он написал (в соавторстве с Л.Р. Полонской) «Историю Пакистана», которая была переиздана в Лахоре. Этот труд был написан на основе первоисточников. Вскоре был издан на английском и на урду его труд: «Народы Пакистана».

В 1975 г. на русском и в 1978 г. на английском была опубликована написанная в соавторстве с В.Н. Москаленко монография «Три Конституции Пакистана».

Ю.В. Ганковский был одним из первых в отечественной истории востоковедов, посетивших в качестве эксперта Афганистан после революции 1978 г. После ввода советских войск он снова посетил Афганистан и представил подробный отчет в ЦК КПСС, за что получил орден Ленина. Позже Ю.В. Ганковский (вместе с В. Коргуном) снова побывал в Афганистане. Они должны были оценить научный уровень афганских ученых (для избрания в АН Афганистана). Ганковский встречался с Наджибуллой. По словам В. Коргуна, Юрий Владимирович был многогранной и противоречивой личностью. Он мог быть резким и даже временами грубым как начальник и в то же время мог быть внимательным и отзывчивым.

Его взгляды определялись эпохой и его суровой судьбой. ГУЛАГ его не ожесточил. Он верил в коммунистические идеалы юности. Свои взгляды он высказывал прямо и нелестно (15). «В 1980 г., вернувшись из Афганистана, он жестко раскритиковал работу советского посольства. Когда на заседании сектора Ирана обсуждался вопрос, что будет, когда умрет Хомейни, Коргун сказал: «Юрий Владимирович, поручите мне написать записку в ЦК КПСС “Что будет после вывода наших войск из Афганистана”». Ганковский ответил: “Витя, ты принимал решение о вводе войск? Нет? Сиди и молчи. Иначе тебе дадут не меньше трех лет”» (16).

Юрий Владимирович отличался прямоотой, всегда говорил то, что думал, и органически был не способен к лицемерию и компромиссам с совестью. Это был человек, который в нашем сплошном советском театре никогда не носил маску. Когда он видел несправедливость, он тотчас же вставал в боксерскую стойку и не боялся вступить в конфронтацию с начальством. Я помню такой случай, когда директор Института М.С. Капица взял на работу одного бездельника, которого мне потом пришлось уволить из отдела за профнепригодность, и представил его на Ученом Совете как афганиста. Неожиданно встал Юрий Владимирович и сказал: «Я такого специалиста по Афганистану не знаю».

Из-за смелости и резкости в суждениях он нашел немало врагов.

Юрий Владимирович являл собою удивительное сочетание интеллекта, энциклопедических знаний и высочайших моральных стандартов. В нем были врожденные и воспитанные деликатность и благородство. Он был человеком кристальной чистоты и порядочности, поступавшим всегда по велению совести и сердца, у него были высокие жизненные принципы. Он был недостижимым образцом русского интеллигента.

В 1999 г. умерла жена Ю.В. Ганковского. Детей у них не было, и после смерти жены Юрий Владимирович жил один в двухкомнатной квартире. Он очень любил путешествовать и объездил практически весь мир. Может быть, это было связано с тем, что почти десять лет он провел за колючей проволокой. Внезапно летом 2001 г. он почувствовал себя очень плохо – у него произошел спазм сосудов головного мозга. Друзья-военные устроили его в военный госпиталь. Через несколько дней его почему-то перевезли в

другую больницу, в 40 км от прежней. Видимо, из-за этого произошло резкое ухудшение его состояния. Юрий Владимирович уже не приходил в сознание и почему-то все повторял слово «португал». Может быть, он вспомнил свою любимую страну? Свою богатую библиотеку Юрий Владимирович завещал сектору Пакистана нашего института.

Григорий Львович Бондаревский. Самой яркой фигурой в нашем отделе и во всем институте был, безусловно, заведующий отделом, всемирно известный ученый Григорий Львович Бондаревский. Подробная биография и характеристика ученого содержатся в изданной в 2005 г. Книге «Ученики учителю. К 85-летию со дня рождения всемирно известного ученого-востоковеда», а также в книге «Портреты историков», вышедшей в 2009 г.

Блестящий эрудит, оригинальный мыслитель, он сделал для нашей науки то же, что Шлиман для Трои. Написанные им фундаментальные исследования буквально катапультировали его на Олимп науки. Его работы поражают интеллектуальны фейерверком и филигранной отделкой.

Мы, ученики Григория Львовича, гордимся тем, что продолжаем его дело, и нам хочется повторить слова сэра Исаака Ньютона: «Нам повезло. Мы видим дальше других, потому, что стоим на плечах гигантов».

Истинный масштаб Бондаревского как ученого и как личности и его вклад в науку пока еще не оценены. Они будут оценены, возможно, только следующими поколениями. Необыкновенная биография и необыкновенные способности Г.Л. Бондаревского возвели его в ранг человека-легенды.

В 1956 г. по приглашению Б.Г. Гафурова Бондаревский переехал из Ташкента в Москву. И стал организатором и руководителем отдела международных вопросов. Я бесконечно благодарен судьбе за то, что в 1958 г. поступил в именно этот отдел и имел счастье два десятка лет работать и постоянно общаться с этим необыкновенным человеком. Я у него многому научился и сформировался как ученый под непосредственным влиянием этого выдающегося деятеля науки. Под его руководством наш отдел превратился в одно из ведущих научных подразделений Института Востоковедения. Григорий Львович сумел создать блестящий коллектив высококвалифицированных востоковедов-международников. Эта блистательная команда специалистов в 1960–1967 гг. сумела осуществить поистине грандиозный проект: подготовку и публикацию девятитомной серии коллективных монографий «Политика колониальных держав в Азии и Африке». Ответственным редактором был Г.Л. Бондаревский.

В качестве руководителя нашего отдела Григорий Львович пользовался большим уважением и авторитетом среди своих подчиненных и коллег. У него была власть авторитета, а не авторитет власти.

Став руководителем этого отдела в 1990 г., я взял за образец его стиль руководства. Буквально каждое заседание отдела начиналось с того, что он делал 40–50-минутный блистательный по форме и глубокий по содержанию

доклад о наиболее актуальных событиях и международном положении в целом.

Домашняя библиотека Григория Львовича насчитывала 9 тыс. томов. Он был лично знаком с Неру, Индирой и Радживом Ганди, с премьер-министром Кувейта, переписывался с Арнольдом Тойнби.

Григорий Львович часто рассказывал мне забавные случаи из своей жизни. Некоторые его рассказы я записал в дневник.

В 1979 г. он позвонил помощнику Брежнева Самотейкину и сказал, что у него есть идея. Самотейкин пригласил его в ЦК.

– Какая идея?

– Заявить, что СССР отдаст Курилы японцам, если США откажутся от баз на Окинаве и в других местах.

– Сейчас я вызову засекреченную машинистку. Вы ей это продиктуете.

Григорий Львович надиктовал две страницы, но с удивлением увидел, что машинистка оставила в левом углу большое белое пятно. Пришел Самотейкин, открыл сейф, вытащил огромный штамп и поставил в этом углу: «принять к исполнению в течение 48 ч. Андропов, Брежнев» (факсимиле подписей). К этому времени Брежнев уже ничего не сообщал, и помощникам дали право решать за него.

В 1980 г. Григория Львовича вызвал к себе президент АН СССР Келдыш и сказал: «Прочитайте лекцию для аспирантов АН об ирано-иракской войне». В ходе лекции Григорий Львович сказал, что западная пресса называет С. Хусейна Наполеоном. Оказалось, что в зале был студент из Ирака. Он встал и заявил протест. На другой день пришел протест в МИД от иракского МИДа. В дело вмешался секретарь ЦК Б.Н. Пономарев. Григория Львовича вызвали в ЦК и показали стенограмму его лекции. Оказывается, у иракца был портативный магнитофон. Но Григорий Львович сделал сильный ход. Он сказал, что стенограмма всего 15 машинописных страниц, а лекция продолжалась два часа, значит, текст неполный. В общем, он отделался легким испугом.

Однажды его вызвал Громыко, чтобы проконсультироваться по индийско-китайскому конфликту. Григорий Львович лазил по карте, показывая ему линию Мак-Магона, рассказывал, что он нашел в Англии документы, в которых английское правительство признало эту линию как границу.

Эти документы Г.Л. Бондаревский показал Индире Ганди, и в связи с его 80-летием ему вручили в Дели высший индийский Орден Лотоса («Подмашири»).

На своем 75-летнем юбилее в Институте социально-политических исследований РАН (на Ленинском проспекте) Григорий Львович рассказал забавную историю. Когда он работал в Ташкентском университете, он узнал, что в Ташкент приезжает Неру. Он явился к секретарю ЦК Узбекистана Усману Юсупову и сказал: «Неру захочет посетить восточный факультет ТашГУ, а у нас всего 4 комнаты, будет скандал». Юсупов: «Это дело сложное». Нужно

подготовить решение ПБ ЦК Узбекистана о предоставлении нового помещения». Григорий Львович: «А я уже подготовил», – раскрыл портфель и положил перед ним бумагу. Тому пришлось подписать, и востфак получил шикарный особняк, который Неру, конечно, не посетил.

В это время известный кинодокументалист Роман Кармен заявил Юсупову, что имеет поручение от Хрущева снять фильм о визите Неру в Ташкент. Поэтому он хочет, чтобы его машина с кинокамерой ехала впереди машины Неру.

Немедленно вскочил председатель узбекского КГБ, который, обматерив Кармена, заявил, что он отвечает за безопасность Неру и только его машина будет ехать впереди. Тогда Кармен сказал: «Я уезжаю в Москву, все будет доложено Хрущеву. И вряд ли вы усидите в ваших креслах». Назревал скандал.

Тогда Григорий Львович предложил соломоново решение: «Надо сделать так. Садитесь оба в одну машину. Вы будете охранять, а Вы – снимать».

Так и было решено. Юсупов рассыпался в благодарностях: «Ты спас меня от грандиозного скандала. Что ты хочешь за это получить?» Он ждал, что Григорий Львович попросит квартиру или машину. Но Бондаревский сказал: «Разрешите мне 40 минут поговорить с Неру с глазу на глаз».

Эта просьба была удовлетворена. По словам Григория Львовича, беседа с Неру оказала влияние на всю его последующую жизнь. Неру подарил ему свою книгу на английском языке: «Взгляд на всемирную историю». Григорий Львович просил разрешения издать ее на русском. «Только без купюр», – сказал Неру. Григорий Львович с огромным трудом добился ее выхода (там было два письма к дочери о Троцком, но и их удалось пробить).

По словам Григория Львовича, Неру рассказал ему, что в тюрьме у него были хорошие условия. Однажды он даже накричал на охрану: «Я из высокой касты, как вы смеете подавать мне пищу на оловянной посуде?» У него был там даже свой садик. Неру давали газеты и книги. Поэтому он и смог написать «Взгляд на всемирную историю», который Григорий Львович охарактеризовал как лучшую из всех книг, в которых изложена вся история человечества.

Когда в 1983 г. готовилась конференция движения неприсоединения в Дели, Индира Ганди сказала Григорию Львовичу: «Я слышала, что Кастро собирается закатить речь на семь часов». Григорий Львович тогда преподавал в Дипакадемии, где учился советник кубинского посольства в Москве. Он пригласил его и сказал: «Интерес к великим мыслям Ф. Кастро, которые он собирается изложить в Дели, настолько велик, что надо заранее издать их в виде книги и раздать ее всем участникам». Так и было сделано. Кастро сделал лишь вводку на сорок минут. В благодарность за идею через кубинское посольство Г.Л. Бондаревскому передали огромный портрет Ф. Кастро. Индира тоже горячо поблагодарила Григория Львовича, которого пригласили на эту конференцию в Дели. Кастро вручил Индире председательский молоточек, сделанный из слоновой кости.

Второго апреля 1995 г. я позвонил Григорию Львовичу и пригласил его сделать на нашей конференции «Пятидесятилетие великой победы и Восток» доклад по теме «Азия во Второй мировой войне».

Он рассказал мне, что был в Англии, где выступал в «Форин офисе» и в Сандхэрсте (в 100 км от Лондона). В Сандхэрсте висела огромная карта – величиной в стену нашего актового зала. В «Форин офисе» много русских.

В Лондоне Бондаревскому сказали: «Вас хочет видеть одна дама».

– Мне уже надо уезжать.

– Это дочь лорда Керзона.

Григорий Львович проговорил с ней 4 часа. Рассказал ей, что читал в Индии письма Керзона к его первой жене Мэри. При расставании дочка Керзона вручила ему конверт: «Откройте в гостинице». В конверте была записка: «Разрешаю пользоваться личным архивом Керзона». Там Григорий Львович нашел уникальные материалы. Многие копии он привез в Москву, в том числе документы о политике Англии в Центральной Азии.

В моем дневнике есть такая запись: «13 апреля 2000 г. только что мне позвонил Григорий Львович Бондаревский. Рассказал о своей поездке в Индию, где ему вручили высший орден Индии. Обнимая его, президент Индии сказал: “Я знаю, что Индия – в сердце этого человека”».

7 августа 2003 г. Григорий Львович услышал звонок в дверь, это был сын его бывшей домработницы, и поэтому он пустил его в квартиру. Тот стал требовать деньги и, получив отказ, нанес Григорию Львовичу многократные удары молотком по голове.

Грабитель-убийца, проникший по доверчивости профессора в его квартиру с целью вымогательства, кроме орденов ничем поживиться не сумел и, скорее всего, поэтому решил его убить. Объявление о продаже ордена Лотоса, помещенное в Интернете, помогло милиции вычислить этого убийцу.

Известие о трагедии, случившейся 7 августа 2003 г., буквально потрясло меня и всех, кто знал Григория Львовича Бондаревского.

Этих великих востоковедов – И.М. Рейснера, Ю.В. Ганковского, Г.Л. Бондаревского и Б.Г. Гафурова – я считаю учителями, которые сформировали меня как историка-востоковеда. Я горжусь этим, потому что человек, имеющий такую школу, становится похож на часы, изготовленные и отлаженные выдающимся мастером. Мастера уже нет, а часы все идут и идут.

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) «В России надо жить долго...» Памяти К.А. Антоновой (1910–2007). – М., 2010. – С. 60.

(2) Там же. – С. 62.

(3) Портреты историков. Время и судьбы. – М., 2004. – Т. 4: Новая и новейшая история – С. 384, 392.

(4) Из выступления Г.Г. Котовского на вечере памяти И.М. Рейснера в ИВ РАН 10.03.1999.

- (5) Там же.
- (6) Там же.
- (7) Хазанов А.М. Пятьдесят лет в Храме востоковедной науки. – М., 2009. – С. 30.
- (8) Каледин С. Толмач // Огонек. – 2010. – 28 июня. – № 25. – С. 46.
- (9) Там же; Халфин Н. Выдающийся советский востоковед (к 70-летию академика Б.Г. Гафурова) // Азия и Африка сегодня. – 1980. – № 4. – С. 60.
- (10) Хазанов А.М. 50 лет в храме востоковедной науки. – М., 2009. – С. 38.
- (11) Выступление Е.П. Чельшева на конференции в честь 90-летия Б.Г. Гафурова. ИВ РАН. 10.12.1998.
- (12) Выступление Г.Г. Котовского на конференции в честь 90-летия Б.Г. Гафурова. ИВ РАН. 10.12.1998.
- (13) Гафурова Н.Б. 90-летие академика Бобождана Гафуровича Гафурова // Восток. – М., 1999.
- (14) Выступление Р.Г. Ланды на конференции в честь 90-летия Ю.В. Ганковского. ИВ РАН 06.04.11.
- (15) Выступление В. Коргуна на конференции в честь 90-летия Ю.В. Ганковского. ИВ РАН 06.04.11.
- (16) Там же.